

Александр Колмогоров

КАПЛЯ

Деньги нужны были срочно.

Кому бы в этот день ни звонил Секачев, все отказывали под разными предложениями. Оставалась зыбкая надежда на Митю Брюханова, директора группы «Русский сувенир», который только что вернулся с гастролей и обещал заехать в офис. Но он на звонки не отвечал.

Секачеву было неуютно, тревожно. В такие моменты он забывал, что опытен, удачлив. Вспоминал себя пацаном-детдомовцем, которого ни за что наказал, унижил директор. Вспоминал ту свою обиду и злость. Вспоминал, как упрашивал ребят устроить директору темную. Они трусили, гады. И тогда, перед побегом из детского дома, он прокрался в душевую, где мылся директор. Дождался, когда тот намылит голову. И стал бить его черенком лопаты. Директор визжал, как баба. Поскользнулся, упал. Вода смывала кровь в цементный сточный желоб.

Видимо, именно с того момента Секачев и привык надеяться только на себя. Всегда искать выход. И находить его.

Уже здесь, в Москве, в девяностых, кавказцы захотели отобрать у него офис, расположенный в самом центре. Сначала звонили, угрожали. Потом стреляли по окнам. А однажды пришли двое и велели отдать ключи и печати. Секачев сказал «ладно», выдвинул ящик стола. Достал из него лимонку. Выдернул чеку. Кавказцев как ветром сдуло. Больше они не появлялись.

...В дверь постучали. На «войдите» Секачева в пространстве распахнутой двери возник массивный человек в оранжевой кожаной куртке. Его лицо закрывала карнавальная венецианская маска.

— Боноджорно, синьор Грициано! — басовито воскликнула маска.

— Боно, боно! — обрадовался Секачев. — Наконец-то! Заходи! Ба! Окреп-то как!

Они обнялись. Брюханов вручил Секачеву маску. Сказал, что скоро пост и он опять похудеет. Спросил, что за тайна у коллеги и зачем он его так срочно вызванивал. Секачев торжественно объявил, что скоро у него юбилей, первый кругленький. Он будет отмечать его в Театре Эстрады. И, конечно, надеется, что Брюханов и его артисты поздравят его.

— Разумеется! И это все? — удивился Брюханов. — Мог бы и по телефону сказать.

— Да нет, Митя! Сто лет не виделись. Ты человек творческий. Столько мощных проектов выдал! Вдруг подсказешь что-нибудь убойное по моему празднику.

Свой юбилейный вечер Секачев уже продумал до мелочей. Мнение Брюханова было ему до лампочки: он льстил напрадую и лишь оттягивал момент, когда сможет попросить денег взаймы.

На столе появились рюмки, фрукты, початая бутылка виски. Разговор о юбилейном торжестве перемежался воспоминаниями о забавных случаях, сплетнями о людях искусства, обоюдными рассказами о новых проектах. Когда бутылка опустела и дело дошло до анекдотов, Секачев решился.

— Я тут скоро оперу повезу в Грецию. Хорошо заработаю. Но до этого надо успеть издать книгу.

— Твою? О чем?

— Да там много всего. Балет, опера, кино. Звезды, с которыми работал... Кстати. Ты не займешь мне на месяц немного зеленых?

— Немного, это сколько? — стараясь не выдать досаду, спросил Брюханов.

— Да ерунда! Три тысячи.

Брюханов улыбнулся ласково, печально.

— Старик! Я знаю, ты в этом плане человек надежный. Рад бы! Да шеф все завтраками меня кормит. Придерживает мои гастрольные.

Секачев посмотрел на Брюханова растерянно, расстроено, как мальчишка, которому не купили игрушку, о которой он так долго мечтал.

Они помолчали. Разговор уже не летел так легко и весело. Машинально поддерживая его, Секачев перебирал имена людей, у которых была хоть какая-то надежда занять. Брюханов поглядывал на часы, вздыхал. И вдруг спросил:

— А это что, Каплина?

Он указал рукой на портрет женщины с диадемой, висящий на стене среди других портретов и афиш.

— Ага. Она, — кивнул Секачев.

Брюханов энергично поднялся с кресла. Подошел к портрету.

— Она! Это же... Знаешь, что? Это же мое юношеское потрясение, Гриша! Моя тайная любовь, можно сказать... «Жизель»... Ты с ней знаком?

— С кем? С Каплей?! Да мы с ней подружки закадычные! — Секачев оживился. Подошел к Брюханову. Стал тыкать пальцем в портрет. — Это же ее майский бенефис! Я его в Питере проводил. Щас как дам тебе буклет и афишу!

Секачев полез в шкаф.

Перебирая стопки бумаг, он рассказывал Брюханову, что сейчас в Большом Каплина танцует только в одном балете. Скоро совсем уйдет. Но за граница ее помнит. И он включает ее в гастрольные сборные концерты.

— Она замужем? — спросил Брюханов.

— Капля? Нет! Ей хватило в молодости одного брака.

Секачев назвал фамилию известного балетмейстера. Рассказывая об их отношениях, внимательно следил за Брюхановым. Видел, что тот возбужден, взволнован. И это ему нравилось.

— Слушай! А хочешь, я тебя с ней познакомлю?

— Ты серьезно? — удивился Брюханов.

— Нет, ну, если не хочешь, как хочешь, — развел руками Секачев.

— Хочу. Я-то хочу! Черт... Что, правда, реально?

— Не веришь? Хочешь, поспорим?! Давай так. Если она в ближайшую неделю приглашает тебя к себе, ты находишь мне три тыщи. Взаймы, конечно. А если нет... Ну, тогда с меня «Жеральдин» на Остоженке!

Брюханов закивал торопливо, согласно.

Секачев властно указал ему на диван.

— Садись!

Когда тот сел, стал инструктировать.

— Звоним ей. Я тебя представляю. Передаю трубку. Говоришь про «Жизель». Вздох, восхищенно. Дальше. Репертуара ее ты не знаешь. Балетные тонкости тоже. Поэтому я тебе буду тихо суфлировать, а ты повторяй за мной. Понял?

Брюханов вытер пот платком.

— Да? Ты думаешь?.. А, давай!

Секачев азартно хлопнул в ладоши. Взял мобильный. Набрал номер Каплиной. Включил громкую связь. Вскоре спокойный расслабленный голос сказал: «Алло».

— Привет, лучшая капля в море моей жизни, — откликнулся Секачев, — что делаешь?

— Привет, милый. Да ни хрена не делаю. Уперлась в телек, как дура. И, знаешь, что смотрю? Ужас! Как волков отстреливают с вертолета. Вот их, Гриша, никто не любит. И меня тоже. Когда уже повезешь старуху куда-нибудь? А то я совсем...

— Погоди, погоди, — перебил ее Секачев, — не части. Весной обязательно что-нибудь придумаю. Хорватия, Кипр, Италия... Что-нибудь такое. А вот насчет любви ты промазала! Я-то думал, что один тебя люблю. А тут ко мне пришел человек. Увидел твой портрет на стене. И такое начал голосить! Так только корейцы про любовь к Ким Чен Ыну скандируют! Слушай, а, может, нам в Северную Корею съездить?

— Кто это? — перебила его Каплина.

— Мой друг. Директор «Русского сувенира». Да хочешь, он сейчас сам тебе все расскажет?

Брюханов взял из рук Секачева протянутый мобильный. Выдохнул так, словно только что осушил рюмку спирта. Стал сбивчиво говорить про юношеское потрясение от Жизели. Он то и дело вопросительно бросал панические взгляды на Секачева. Тот ободряюще кивал.

Голос Каплиной потеплел.

— А в чем вы еще меня видели?

Секачев приложил карнавальную маску ко рту, как ладонь. Зашептал, артикулируя каждое слово:

— В «Ромео и Джульетте». Вы были так нежны и порывисты. Так озорны и отважны.

— ...озорны и отважны, — повторял Брюханов.

— Наверное, не только я, — все мужчины в зале Большого безумно завидовали Ромео, — шептал Секачев.

— ...завидовали Ромео, — вторил эхом Брюханов.

— А еще, — не попросила, а велела Каплина.

Секачев продолжал нашептывать. Брюханов с искренним волнением повторял его слова о яркой, задорной Китри в «Дон-Кихоте».

О том, что в этой партии, как и во всех других, она, Каплина, при всей тонкости перевоплощения, оставалась на сцене самой собой: сильной женщиной с затаенным ярким темпераментом.

— Сильной женщиной? — переспросила Каплина, и в ее голосе послышались нотки сомнения.

Секачев активно закивал. Брюханов подхватил:

— Да, да! Сильной.

И снова вопросительно посмотрел на Секачева. Снова стал повторять все, что тот нашептывал ему.

— Я не видел ни одной балерины, которая бы так, как вы, чувствовала музыку. У кого, как у вас, было бы такое единение с ней во всем — в непрерывной протяженности, характере, эмоциях... Это завораживает, потрясает... А ваша пантомима! Когда вы гадаете, обрывая лепестки ромашки в «Жизели», каждое движение подчинено музыке, рождается из нее...

Через три дня Брюханов приехал к Секачеву. Стал в восторженных тонах рассказывать о свидании с Каплиной. И все повторял с удивлением: «Она такая маленькая... Такая маленькая! И такая страстная!»

— Я же говорил — проспоришь! — смеялся Секачев. — Да если бы я тебе не суфлировал про всех этих Джульетт и Китри, хрен бы ты с ней переспал!

— Да, Гриша, да, проспорил... Ну, такая она миниатюрная! Все время боялся ее раздавить, покалечить... Держи! — Брюханов достал из кармана конверт с деньгами. — Три тыщи баксов. Как просил. Считай.

— Обижаешь! Верю. По рюмашке?

— Нет, спасибо. Дела, старик.

— Стой, стой! Подожди, — замахал рукой Сукачев. — Анекдот вспомнил. Слушай! На приморском бульваре, на лавочке...

Из приоткрытой двери донеслось цоканье чьих-то каблучков в коридоре. Секачев прикрыл дверь.

— ...сидят два старых-престарых еврея. Мимо проходит девица. Такая, знаешь, в соку, все при ней... Один говорит: «Эх, раньше бы все так и встрепенулось...» А второй кивает: «Да... Не те девки пошли!..»

Брюханов рассмеялся. Довольный Секачев расплылся в улыбке. Посмотрел в окно, выходящее во внутренний двор. Плащ

женщины, торопливо идущей к арке, ее походка показались ему знакомыми.

— Ты чего? — спросил Брюханов.

— Да так, — махнул рукой Секачев, — показалось.

Они попрощались.

Секачев ждал, что Каплина позвонит ему. Расскажет о свидании с Брюхановым. Но она не звонила. Тогда он позвонил сам.

— Привет, Капля! Я тут решил на родину слетать. Что тебе привезти?

— Какого-нибудь яда, — ответила она. — Раздавил. Не добил. Когда будешь в следующий раз торговать друзьями, не продешеви.

В трубке послышались гудки отбоя.

Секачев поморщился. Ударил кулаком по столу.

— Твою мать...

Прилетев в областной центр В., Секачев остановился на квартире бывшего воспитателя детдома. У единственного человека, который не побоялся когда-то директора и встал на защиту Секачева, когда того нашли после побега. Секачев рассказывал ему о своих успехах, поездках в разные страны. Расспрашивал о детдомовцах. Бывших и нынешних. Вместе с московскими сувенирами он привез старику дорогой мобильный телефон. Тот повертел его в руках. Прослезился. Спросил, можно ли подарить эту диковинку одному детдомовцу, у которого скоро свадьба. Что за парень, спросил Секачев. Толковый, золотые руки, да нет своего угла, ответил воспитатель. То квартиру снимает, то ютится в доме культуры, где оформлен дворником, но делает уйму дел: от мытья полов до ремонта мебели.

— Толковый, говоришь? — Секачев покусал ноготь на пальце.

На следующее утро он нашел нотариуса. Пообещал ему двойной гонорар. И тот за день оформил дарственную: однокомнатная квартира Секачева стала собственностью детдомовца.

Родной город Секачев покидал со смешанным чувством. Вроде сделал доброе дело. Повидался с близкими людьми. Но что-то ему не давало покоя. Что-то неясное, смутное, от чего было неуютно, тоскливо.

В самолете он, как обычно, хорошенько выпил, потому что всю жизнь боялся полетов. В конце концов задремал. Отключился. Но вдруг проснулся от собственного крика.

Ему приснилось, что летит он на вертолете с Брюхановым. Внизу мчатся, мечутся волки. Вместе с ними бежит, сломя голову, Капля. В костюме Жизели. А они, Секачев и Брюханов, палят по этой стае из ружей.

